

—

Все с энтузиазмом пришли, чтобы привлечь внимание принца – это было большим и радостным событием. Кто бы мог подумать, что произойдёт что-то неожиданное? Председатель Чжао и эти купцы привели с собой лишь нескольких телохранителей, которые ожидали снаружи.

В критический момент эти телохранители, естественно, не могли сравниться с солдатами, приведёнными Сяо Шанем. Они также не осмеливались напасть на людей Сяо Шаня, поэтому этих телохранителей окружили, не дав им даже издать звука, и они без сопротивления сдались.

Что касается председателя Чжао и других торговцев, то они годами жили в праздности, каждый день, помимо интриг, только ели, пили, слушали музыку и смотрели танцы, ведя довольно беззаботную жизнь.

Сегодня они сосредоточились на налаживании связей с принцем и совершенно не ожидали, что Сяо Шань вдруг резко изменит своё отношение. Поэтому, когда солдаты бросились к беседе, чтобы арестовать их, все оцепенели.

Председатель Чжао оказался самым сообразительным и попытался сопротивляться, когда его схватили.

Его глаза наполнились ненавистью, и он яростно бросился в сторону Сяо Шаня, словно собирался покончить с собой, утащив их за собой.

Видя свирепое выражение лица председателя Чжао, Се Чжуй, не раздумывая, шагнул вперёд и со злостью пнул его. Всю ночь в его сердце горел беспричинный огонь, и этот удар был довольно сильным, прямо сбив человека с ног.

Солдаты воспользовались моментом и прижали неподвижного председателя Чжао.

Лю Цзинсюань никак не ожидал такой смелости от председателя Чжао и не мог не произнести злорадно: «Председатель Чжао, как вы смеете нападать на принца на глазах у всех? Это грозит уничтожением девяти поколений вашего рода».

У председателя Чжао болели печень, желудок и лёгкие, но, услышав это, он вдруг резко поднял голову и завопил, что его несправедливо обвиняют, что он этого не делал. Однако вскоре солдаты заткнули ему рот и увели. Никто не хотел слушать то, что он хотел сказать в этот момент.

Цзун Цин взглянул на спокойное выражение лица Сяо Шаня, полагая, что тот молчаливо согласился со словами Лю Цзинсюаня.

Цзун Цин не произнёс ни слова, молча стоя в стороне.

На самом деле, Цзун Цин ясно видел, что председатель Чжао, приняв такую позу, явно бросался на Лю Цзинсюаня. Подумав, он решил, что председатель Чжао, как бы ни был смел и ненавистлив, в такой момент не посмел бы что-либо сделать принцу.

Разве что он не дорожил своей жизнью и родственниками, или мог гарантировать уничтожение всех, кто не был его сторонником.

Но он ничего из этого не мог сделать.

Изысканный маленький дворик снова погрузился в тишину. Красавицы на плавучей беседке, ожидавшие, что их удостоит взглядом знатный гость, были ошеломлены увиденным. Они сжались в кучку, не понимая, что происходит.

Раньше они выступали для бесчисленного множества людей, и все были счастливы. Либо хвалили их таланты, либо восхищались их танцами, в худшем случае — восхищались их внешностью.

Почему сегодня всё так отличалось?

Все, кто им покровительствовал, были схвачены, а что с ними? Что делать?

Среди этой группы были те, кто боялся, и те, кто думал, как выбраться. Но как бы то ни было, их судьба больше не была в их руках. Им оставалось лишь смотреть на самого знатного человека в зале, надеясь увидеть своё будущее по выражению его лица.

Сяо Шань, однако, не забыл об этой группе людей. Он не смотрел на этих красавиц, а прямо сказал Цзун Цину: «Заберите их тоже и хорошенько допросите». Естественно, следует тщательно расследовать дело о воспитании красавиц, чтобы заманивать людей. Кто знает, может быть, там кроются неожиданные сюрпризы.

Янцзян — это место, где рождаются красавицы. Что плохого в том, что красавица красива? Но если кто-то хочет использовать этих красавиц для совершения низких поступков, это нельзя терпеть.

Сяо Шань вспомнил, что губернатор Янчжоу, Чжан Жочжи, однажды привёз в столицу приёмную дочь, которая понравилась императору и была удостоена звания красавицы.

Янчжоу также находится в Цзяннани.

Цзун Цин понимал, что имел в виду Сяо Шань. Он был человеком, способным судить о

ситуации, но при условии, что он был верен императору.

Поэтому, когда император поручал ему расследование, он должен был досконально разобраться во всех, даже мельчайших деталях. Если дело действительно было широкомасштабным, он должен был доложить об этом правдиво.

Сяо Шань подумал немного и сказал: «Ситуация в Цзяннани сложная, а в Лянчжоу такой шум быстро привлечёт внимание чиновников из других мест. Господин Цзун, потрудитесь, пожалуйста, и как можно скорее выясните обстоятельства дела. С сегодняшнего дня стражу в порту и у городских ворот Лянчжоу заменят наши люди, и подозрительных лиц, желающих уйти, чтобы передать информацию, следует задерживать».

На самом деле, это было лишь временное решение, не устраняющее корень проблемы. Если кто-то действительно хотел передать сообщение, он найдёт способ это сделать. Самый эффективный способ уменьшить передачу информации — это заблокировать Лянчжоу, чтобы максимально контролировать распространение новостей.

Но Сяо Шань, подумав, всё же не отдал такой приказ.

Множество людей постоянно въезжали и выезжали из Лянчжоу, большинство из них были заняты поиском средств к существованию, другие приезжали в город для лечения, третьи перевозили товары.

Запечатывать Лянчжоу было действительно бессмысленно.

Цзун Цин тоже хотел как можно скорее завершить расследование.

Все имеющиеся у них доказательства указывали на Лю Цзинсюаня, а слова Лю Цзинсюаня указывали на других, и все эти дела требовали тщательного расследования.

Сяо Шань, увидев, что ему больше нечего делать, собрался уходить вместе с Се Чжунем.

Однако перед уходом люди на плавучей беседке, услышав, что их собираются увезти, пришли в себя.

Некоторые кричали, что солдаты слишком грубы и не умеют быть нежными с женщинами, другие говорили, что они ничего не совершали, почему их арестовывают.

Были и те, кто знал, что Сяо Шань — главный герой вечера, и постоянно кричали, умоляя этого князя рассудить их.

Сяо Шань, не выдержав, бросил: «Виноваты вы или нет, это ещё предстоит выяснить. Что вы

тут шумите?» Возможно, его тон был не слишком доброжелательным, но после его слов все замолчали.

Вокруг воцарилась тишина, Сяо Шань и Се Чжуй ушли, а остальные дела были оставлены на Цзун Цина.

После ухода Сяо Шаня всех остальных увели, Цзун Цин посмотрел на стоявшего там Лю Цзинсюаня, а затем приказал схватить и его. Лю Цзинсюань давно знал, что это произойдёт, но когда настал этот момент, и он собственными глазами увидел себя пленником, ему стало особенно горько на душе.

Когда его уводили, он, глядя на Цзун Цина, не удержался и сказал: «Господин Цзун, ваш подчинённый всё же не пошёл до конца по тёмной дорожке. Мои преступления — неоспоримый факт, но я надеюсь, что не повлеку за собой своего отца и супругу наследного принца».

Цзун Цин, услышав эти слова, слегка опустил взгляд. До тех пор, пока Лю Цзинсюаня не увели, он не ответил ни слова.

На этот вопрос не мог ответить он, только император мог высказаться.

Даже утешительных слов он не мог произнести от имени императора.

Лю Цзинсюань задал вопрос не тому человеку.

В этот момент Цзун Цин не мог не задуматься: если бы Лю Цзинсюань задал этот вопрос Сяо Шаню, как бы тот ответил?

Подумав о характере Сяо Шаня, он, вероятно, ничего приятного не сказал бы.

Может быть, он прямо сказал бы: «Тебе уже неслыханно повезло, что ты не навлек беду на весь свой род, какой смысл теперь об этом беспокоиться?»

При этой мысли Цзун Цин вдруг подумал: если бы Сяо Шань не был принцем, а ему поручили бы управлять Лянчжоу, что бы из этого вышло?

На самом деле, он действительно не мог себе представить Сяо Шаня в роли чиновника. В общем, с его характером, он, вероятно, был бы большой головной болью.

Что Цзун Цин представлял в своей голове, Сяо Шань не знал и не хотел знать.

В карете, возвращавшейся в резиденцию губернатора, Сяо Шань полностью сосредоточился на Се Чжуйе. Он чувствовал, что настроение Се Чжуйе не очень хорошее, его лицо было очень мрачным, и он не мог понять, почему Се Чжуй так расстроен.

Если говорить о причине, то беспорядок этой ночи совершенно ничтожен по сравнению с беспорядками на северной границе. Если говорить об опасности, то боевая мощь председателя Чжао и других вообще не стоит упоминания по сравнению с мечами на поле битвы.

Сяо Шань не был из тех, кто держал всё в себе. Он взял руку Се Чжуйе, поиграл ею, а затем вдруг спросил: «Что с тобой? Почему ты вдруг так расстроен?»

Се Чжуй поднял на него глаза, поджал губы, помолчал немного, а затем, отведя взгляд, сказал: «Я просто думаю, что Ваше Высочество слишком небрежно относится к своей безопасности. Если бы у этих людей было оружие, что бы случилось, если бы Ваше Высочество был ранен?»

Сяо Шань поднял бровь: «Ты беспокоишься обо мне?»

Се Чжуй уже овладел собой, но, услышав эти слова, снова поднял глаза и прямо посмотрел ему в глаза: «Ваше Высочество думает, что мне не стоит беспокоиться?»

«Нет, я не это имел в виду», — Сяо Шань слегка сжал руку Се Чжуйе.

Ему просто было немного непривычно.

Очевидно, что предыдущая сцена не представляла никакой опасности, в лучшем случае это было ложное предупреждение, которое быстро забылось бы. Однако всегда сдержанный Се Чжуй из-за этого был так обеспокоен, да ещё и так сильно выдавал свои эмоции.

Их отношения вначале можно было описать как «ближайшие и самые отчуждённые». На самом деле, если бы не те неписанные обычаи, вроде того, что если в первую брачную ночь не происходит полового акта, это считается неуважением к новобрачной или новобрачному.

В ту ночь он, возможно, не притронулся бы к Се Чжуйе, они могли бы постепенно узнавать друг друга, и всё развивалось бы естественно.

Но с тех пор, как он привёз Се Чжуйе из резиденции Се в поместье князя Ли, он хотел дать Се Чжуйе это должное уважение.

Се Чжуй вышел за него замуж как гер, и если бы в ту ночь между ними ничего не произошло, даже в его княжеском дворце не было бы вечных тайн. Из-за многих нелепых событий, взгляды людей на Се Чжуйе стали бы ещё более презрительными.

Даже если бы он попытался разъяснить ситуацию другими способами, люди всё равно не поверили бы.

Его самого не волновали сплетни, и Се Чжужа, возможно, тоже, но Се Чжуй был гером. Мир был гораздо менее снисходителен к герам и женщинам, чем к мужчинам. Более того, раз они поженились и стали одной семьей, зачем проходить через лишние трудности, когда можно избежать очевидных проблем.

В ту брачную ночь он попытался, и Се Чжуй не возражал против своего статуса гера. Он даже спросил своего новобрачного, есть ли у него кто-то, кого он любит.

Сейчас, спустя несколько месяцев, в их жизни появилось множество неизгладимых следов друг друга.

Се Чжуй будет беспокоиться о нем, и он будет ещё больше заботиться о настроении Се Чжужа.

Никакой особой бури, лишь медленное течение, проникающее незаметно, как влага в землю.

Постепенно жизнь пропиталась следами друг друга.

Это чувство было неплохим, по крайней мере, Сяо Шаню очень нравилось.

Сяо Шань крепко сжал руку Се Чжужа, затем слегка улыбнулся и серьёзно ответил: «Я заставил тебя волноваться, в следующий раз такого не будет».

Он улыбался, как яркая луна, его лицо было изящным и красивым, в глазах светилась легкая улыбка и совершенно серьёзное обещание.

Се Чжуй подумал, что даже величайший поэт, вероятно, не смог бы описать и половины того выражения лица Сяо Шаня.

Глядя на такого человека, Се Чжуй вдруг подумал, не слишком ли он раздул из мухи слона.

Ведь Сяо Шань ничего плохого не сделал, а он проявил к нему такое отношение.

Впервые в жизни он так грубо обращался с кем-то, и этим кем-то был Сяо Шань, который, однако, не рассердился. Несколько месяцев назад он даже и подумать о таком не мог.

Не слишком ли он переборщил?

Кончик языка Се Чжужа прошёлся по тонким губам, он поджал их и сказал: «Ваше Высочество,

я не нарочно...»

Сяо Шань слегка сжал его руку, прерывая слова, которые тот хотел произнести: «Разве беспокойство о моей безопасности должно быть намеренным или случайным?»

Се Чжуй больше не произнес ни звука.

Сяо Шань опустил взгляд на его руку, затем сказал: «Ты всегда называешь меня Ваше Высочество, на людях это ладно, но когда нас только двое, ты не думал сменить обращение?»

Сменить обращение, когда они вдвоём?

Слова «муж» чуть не сорвались с губ, Се Чжуй едва успел прикусить язык, предотвратив произнесение этих слов.

Однако в его сознании всплыли воспоминания о принуждении и хаосе прошедших ночей, и, чтобы прогнать их, его взгляд затуманился, и он поспешно сказал: «Что имеет в виду Ваше Высочество?»

Сяо Шань не обратил внимания на выражение лица Се Чжуя, он сказал: «Просто зови меня по имени».

Он называет Се Чжуя по имени.

Се Чжуй зовёт его по имени.

Это кажется очень странным.

Се Чжуй не стал уклоняться, желая как можно скорее сменить тему, и сказал: «Хорошо, тогда, когда никого не будет, я буду называть Ваше Высочество по имени».

«Хм?» Сяо Шань погладил его руку, многозначительно произнеся: «Сейчас в карете только ты и я».

Се Чжуй поднял голову, его губы зашевелились.

Сяо Шань с улыбкой смотрел на него.

Наконец, Се Чжуй тихонько произнёс: «Сяо Шань».

Сяо Шань отозвался.

Ему показалось, что, когда Се Чжуй произносил имя, его голос был низким и глубоким, очень приятным на слух.

Но теперь они жили в резиденции губернатора, и у Се Чжуйя не было возможности выкрикивать его имя еще сильнее, когда он терял рассудок.

Но ничего страшного, когда они вернутся в столицу, времени будет хоть отбавляй.

—

Примечание автора:

В этой главе упор на чувства, кажется, они давно не общались наедине.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282527>